

**СОМЕРСЕТ
МОЭМ
КИТТИ**

Сомерсет Моэм

Китти

Серия «Женский роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68639185

Kummi:

ISBN 978-5-6048353-3-3

Аннотация

Красивая и легкомысленная Китти Гарстинг – яркая звездочка на небосклоне лондонского светского общества, желая опередить младшую сестру Дорис, которая в скором времени выходит замуж, принимает предложение руки и сердца безумно влюбленного в нее молодого ученого Вальтера Фэйна и отправляется с ним в Гонконг. Изнывая от скуки и отсутствия нормального общества, она вскоре влюбляется в тщеславного Чарльза Таунсенда. Когда ее муж узнает об этом, ее жизнь полностью меняется...

Текст печатается в авторской орфографии и пунктуации.

Содержание

1	5
2	10
3	13
4	15
5	17
6	20
7	23
8	26
9	28
10	34
11	36
12	39
13	43
14	45
15	52
16	56
17	62
18	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Сомерсет Моэм

Китти

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

1

Она вскрикнула от ужаса.

– Что случилось? – спросил он.

Несмотря на полумрак затемненной закрытыми ставнями комнаты, он видел, что ее лицо вдруг исказилось от ужаса.

– Кто-то сейчас пытался отворить дверь.

– Может быть, это ама¹, или один из слуг – китайцев.

– В это время они никогда не входят; они знают, что я всегда после завтрака сплю.

– Кто же это мог быть?

– Вальтер, – прошептала она дрожащими губами.

Она указала на его башмаки. Он старался их надеть, но нервно, вызванная ее тревогой, лишала его обычной ловкости; кроме того, они были узковаты. С легким возгласом нетерпения она сунула ему башмачный рожок. Накинув на плечи кимоно, босая, она подошла к туалету. Она пригладила гребенкой свои растрепанные волосы, прежде чем он успел зашнуровать второй ботинок.

Она подала ему куртку.

– Как мне выйти отсюда?

– Лучше подожди немного. Я выгляну и посмотрю, все ли благополучно.

---

¹ Ама – китайская служанка. Прим. переводчика

– Это не мог быть Вальтер. До пяти часов он никогда не уходит из лаборатории.

– Тогда кто же это был?

Теперь они говорили шепотом. Она дрожала от страха. Он всегда предполагал, что в критическую минуту она непременно растеряется, и вдруг обозлился на нее. Если это было неосторожно, то какого черта она его уверяла, что никакой опасности нет. Она, тяжело дыша, схватила его за руку. Он посмотрел по направлению ее взгляда. Стояли они лицом к окнам, выходящим на веранду. Окна были закрыты ставнями, а ставни заперты на засов. Они увидели, что белая фарфоровая дверная ручка медленно поворачивается. Шагов на веранде они не слышали. Было очень страшно смотреть на это бесшумное движение. Прошла минута, полная тишина не нарушалась ни одним звуком.

Затем, как-будто действием какой-то ужасной, сверхъестественной силы, белая фарфоровая ручка другого окна тихо, бесшумно, устрашающе зашевелилась.

Это было так страшно, что нервы Китти не выдержали, и она едва не закричала; он быстро закрыл ей рот своей рукой и тем заглушил готовый вырваться у нее крик ужаса.

Ничего не слышно, кругом тишина. Колени ее дрожали, она оперлась на него, и ему казалось, что она сейчас упадет в обморок.

Нахмурившись, стиснув зубы, он отнес ее к кровати и посадил там. Она была бледна, как полотно, и сквозь загар его

щек видно было, что и он побледнел. Он стоял около нее и не отрывал испуганного взора от фарфоровой ручки окна.

Они не говорили ни слова, и он видел, что она плачет.

– Ради бога, перестань, – раздраженно прошептал он. – Если мы попались, ну, так попались; придется выкручиваться как-нибудь.

Она стала искать свой платок, и он, угадав ее желание, протянул ей ее мешочек.

– Где твоя шляпа?

– Я оставил ее внизу.

– О, господи!

– Полно! Надо взять себя в руки. Сто шансов против одного, что это не был Вальтер. Зачем ему в это время приходиться домой? Он ведь никогда не возвращается среди дня.

– Никогда.

– Пари держу на что угодно, что это была ама.

Она слегка улыбнулась. Его звучный, ласкающий голос успокоительно действовал на нее, и она взяла его руку и нежно пожала ее. Он подождал немного, чтобы дать ей время прийти в себя и сказал:

– Послушай, не можем же мы вечно здесь сидеть. В силах ли ты теперь выйти на веранду и посмотреть, что там делается?

– Боюсь, что не смогу устоять на ногах.

– Есть у тебя тут, под рукой, хоть немного виски?

Она отрицательно покачала головой.

Лицо его омрачилось, его разбирало нетерпение; он собственно не знал, что делать. Вдруг она судорожно сжала его руку.

– А если он нас ждет?

Он принужденно улыбнулся, и голос его сохранил нежный, убедительный тон, который, как он отлично знал, так сильно на нее действовал.

– Это невероятно. Будь храбрее, Китти. Как это мог быть твой муж! Если бы он, придя домой, увидел в прихожей чужую шляпу, а, поднявшись наверх, нашел дверь твоей комнаты запертой изнутри, он, конечно, поднял бы шум. Это был, без всякого сомнения, кто-нибудь из слуг. Только китаец способен шевелить ручку дверей таким образом.

Она стала приходить немного в себя.

– Не очень приятно, если даже это была только ама.

– С ней легко справиться; если понадобится, ее можно пугнуть. Положение правительственного чиновника не много дает человеку преимуществ, но отчего, при случае, не извлечь из него возможной пользы?

Конечно, он прав. Она встала и протянула ему руку, он обнял ее и поцеловал в губы. Это было блаженство – почти мука. Она его любила до умопомрачения. Он выпустил ее из объятий, и она подошла к окну. Она отодвинула засов и, приотворив ставень, выглянула в окно. Не было ни души. Она выскользнула на веранду, заглянула в уборную мужа, в свою гостиную. Везде было пусто. Она вернулась в спальню

и поманила его к себе.

– Нет никого.

– Я начинаю думать, что все это был только обман зрения.

– Не смейся. Я страшно перепугалась. Пойди ко мне в гостиную и посиди там. Я только надену чулки и какие-нибудь башмаки.

2

Он исполнил ее желание, и минут через пять она к нему пришла. Он курил папиросу.

– Могу я выпить виски с содой?

– Хорошо, я позвоню.

– Я думаю, что к тебе бы полезно капельку выпить.

Они в молчании ждали, пока слуга явился, и она распорядилась принести напитки.

– Позвони в лабораторию и спроси, там ли Вальтер, – сказала она. – Твой голос не узнают.

Он снял трубку и, вызвав требуемый номер, спросил, там ли находится доктор Фэйн. Он повесил трубку.

– После завтрака он туда не возвращался, – сказал он ей, – спроси у слуги, приходил ли он домой.

– Я не смею. Будет очень странно, если окажется, что он был, а я его не видала.

Китаец принес питье, и Таунсэнд налил себе стакан. Он предложил и ей выпить, но она отказалась.

– Что мы будем делать, если это был Вальтер? – спросила она.

– Может быть, он отнесется к этому равнодушно.

– Равнодушно, Вальтер?

В тоне ее слышалось недоверие.

– Я всегда считал его очень застенчивым человеком. Есть

люди, которые не могут терпеть сцен. Он достаточно умен, чтобы понять, что скандал ему пользы не принесет. Я ни на минуту не допускаю возможности, чтобы это был Вальтер, но даже, если это был он, я уверен, что он сделает вид, будто ничего не знает.

На минуту она задумалась.

– Он страшно в меня влюблен.

– Отлично, тем лучше для нас. Тебе легче его обойти.

Он улыбнулся ей той очаровательной улыбкой, перед которой она никогда не могла устоять. Улыбка зарождалась в ясных, голубых глазах и медленно спускалась к углам красиво очерченного рта. У него были небольшие, ровные, белые зубы. Это была чувственная улыбка, от которой сердце таяло у нее в груди.

– Мне все равно, – весело сказала она.

– Игра стоила свеч.

– Вина моя.

– Зачем ты пришел? Я была поражена, когда увидела тебя.

– Я не мог отказаться от соблазна.

– Милый, дорогой!

Она слегка нагнулась к нему, и ее темные блестящие глаза страстно впились в его глаза, губы полуоткрылись, он обнял ее. Она со вздохом восторга отдалась его объятиям.

– Ты знаешь, что ты всегда можешь надеяться на меня, – сказал он.

– Я так с тобою счастлива! Я желала бы быть в состоянии

дать тебе столько же счастья, сколько даешь мне ты.

– Ты теперь успокоилась, больше не боишься?

– Вальтера я ненавижу, – ответила она.

На это он не нашел ответа и только поцеловал ее. Он взял ее руку, на которой были надеты маленькие золотые часы и посмотрел который час.

– Знаешь, что мне теперь надо делать?

– Бежать? – с улыбкой сказала она.

Он утвердительно кивнул головой. На один миг она крепче прижалась к нему, но, чувствуя, что он действительно хочет уйти, освободилась из его объятий.

– Стыдно так пренебрегать службой. Убирайся вон.

Он никогда не мог держаться от удобного случая пококетничать.

– Тебе чертовки хочется отделаться от меня, я вижу, – шутливым тоном сказал он.

– Ты знаешь, как мне тяжело расставаться с тобой.

Она проговорила эти слова вдумчивым, серьезным, убежденным тоном. Польщенный, он весело усмехнулся.

– Не терзай свою хорошенькую головку мыслями о нашем таинственном посетителе. Я уверен, что это была ама. Если случится беда, то я ручаюсь, что сумею тебя выручить.

– Очевидно, ты обладаешь большим опытом в этих делах.

Он весело и ласково улыбнулся ей.

– Нет, но, кажется, я могу похвастать тем, что на моих плечах сидит толковая голова.

3

Она вышла на веранду проводить его; отъезжая, он помахал ей на прощанье рукой.

На веранде была полная тень. Она осталась там отдохнуть. Сердце ее было полно чувством удовлетворенной любви.

Дом, в котором они жили, был расположен па откосе горы. Ее рассеянный взгляд едва замечал красоту голубого моря, гавань, переполненную огромным количеством судов. Она могла думать только о нем, о любовнике. Как отвратительно то, что они оба не свободные люди. Его жена ей не нравилась. На минуту ее блуждающая мысль остановилась на Доротти Таунсэнд.

Ей по крайней мере тридцать восемь лет. Чарли никогда о ней не говорит. Конечно, он ее не любит, она надоела ему до смерти, но Чарли настоящий джентльмен.

Китти улыбнулась ласково-иронической улыбкой: так на него похоже, милый дурачок, он может изменять жене, но никогда не позволит себе произнести хоть одно слово осуждения на ее счет. Она довольно высокого роста, выше Китти, не толстая и не худая, с густыми светло-каштановыми волосами; хорошенькой она никогда, наверно, не была, только свежесть первой молодости могла раньше делать ее привлекательной. Китти улыбнулась и слегка пожала плечами. Конечно, никто не будет отрицать, что у Доротти Таунс-

энд очень приятный голос. Она удивительно хорошая мать, что Чарли всегда признавал, но Китти она не нравилась. Не нравилось ее холодное обращение. Безукоризненная вежливость, с которой она принимала гостей, приглашенных к обеду или к чаю, раздражала, так как вы чувствовали, что в сущности не представляете для нее никакого интереса. На свете ее ничто не интересовало, как казалось Китти, кроме ее детей: два мальчика учились в школе в Англии; младшего же мальчика, лет шести, она собиралась отвезти туда на будущий год. Она точно носила всегда на лице маску. Она улыбалась и приятным, любезным голосом говорила то, что как раз надо было в этот момент сказать, и, несмотря на ее обходительное обращение, чувствовалось, что она очень от вас далека. У нее было небольшое количество близких друзей в колонии, и те были очень высокого мнения о ней.

4

Когда Китти, после свадьбы, приехала в Чинг-Иен, ей трудно было примириться с фактом, что ее социальное положение в обществе зависит от служебного положения ее мужа. Конечно, в течение первых месяцев после ее приезда, все были очень с нею любезны, и они почти каждый вечер были куда-нибудь приглашены. Когда они обедали с губернаторском доме, губернатор сам вел ее к столу, в качестве новобрачной; но она скоро поняла, что, как жена бактериолога, она занимала самое незначительное положение в обществе. Это было ей неприятно.

– Это очень глупо, – сказала она мужу, – ведь почти ни один из них не стоит того, чтобы на него обратили внимание дома в Англии, хоть в течение пяти минут. Мать моя и не подумала бы пригласить ни одного из них к нам на обед.

– Не огорчайся этим, – отвечал он, – это, в сущности, пустяки.

– Конечно, пустяки, это только показывает, как они глупы, но смешно, когда вспомнишь, какого сорта гости бывали у нас в доме.

– С социальной точки зрения, человек науки не существует, – улыбнулся он.

Теперь она это знала, но, когда она выходила замуж, ей это было неизвестно.

– Признаюсь, мне не очень приятно, чтобы меня вел к столу какой-нибудь агент пароходного общества, – и она смущенно улыбнулась.

Может быть, он почувствовал упрек в ее словах, несмотря на шуточный тон, которым они были сказаны, так как взял ее руку и смущенно пожал ее.

– Мне очень жаль, милая Китти, но не огорчайся.

– Ах, я и думать об этом не стану.

Это не мог быть Вальтер сегодня утром. Вероятно, кто-нибудь из слуг, да, впрочем, не все ли равно?

Китайские слуги все знают и обо всем молчат.

Сердце у нее забилось сильнее, когда она вспомнила, как белая, фарфоровая ручка двери медленно, бесшумно шевелилась.

Они не должны больше никогда подвергать себя такому риску. Лучше опять встречаться в той комнате, позади лавки антиквария, где они несколько раз бывали прежде.

Кто бы ни увидел ее входящей туда, не нашел бы в этом ничего подозрительного. Там они были в безопасности.

Хозяин лавки знал, кто был Чарли, и он не настолько глуп, чтобы решиться наделать неприятностей помощнику секретаря колонии.

Наконец, не все ли равно? Важно только то, что Чарли ее любит.

Она ушла с веранды, вернулась в свою гостиную, кинулась на диван и протянула руку за папироской. Вдруг она увидела записку, лежавшую на одной из книг.

Она развернула ее. Записка была написана карандашом.

«Милая Китти.

Вот книга, которую Вы хотели иметь. Я собиралась Вам ее отослать, когда встретила Д-ра Фэйн, который

обещал сам занести Вам ее по дороге, идя мимо дома.

«.

Она позвонила и спросила вошедшего слугу, когда и кто принес эту книгу.

– Хозяин сам принес ее, после завтрака принес, – ответил тот.

Итак, это был Вальтер. Она сразу позвонила по телефону в канцелярию колониального секретаря и вызвала Чарли. Она сообщила ему то, что сейчас узнала. Произошла пауза, прежде чем послышался его ответ. Она спросила: – Что мне делать?

– Я теперь занят в очень важном заседании. Я не могу с вами говорить сейчас. Мой совет: сидите смирно.

Она повесила трубку. Ясно, что он был не один в комнате. Ее злило, что служба отвлекает его.

Ока села к письменному столу, закрыла лицо руками и старалась припомнить и обдумать все подробности происшедшего.

Вальтер, конечно, мог просто подумать, что она спит: почему же ей было и не запереть дверь изнутри? Она старалась вспомнить, – разговаривали ли они в это время. Конечно, громко они не говорили. Но оставленная внизу шляпа? Какой сумасшедший поступок со стороны Чарли оставить шляпу в прихожей!

Бесполезно его в этом упрекать, это была очень естественная оплошность, и ничто не доказывает, что Вальтер ее за-

метил. Вероятно, он очень торопился и только оставил книгу и записку по дороге куда-нибудь по делам службы.

Странно только то, что после двери он попробовал открыть оба окна, одно за другим. Если бы он думал, что она спит, не похоже на него, чтобы он решился ее беспокоить. Какой безумный поступок с ее стороны!

Снова в сердце ее разлилась та сладкая боль, которую она всегда чувствовала, когда думала о Чарли. Да, игра стоила свеч. Он ей обещал заступиться за нее и, если случится худшее из того, что может случиться, тогда... Пусть Вальтер поднимает скандал, если хочет.

Она имела Чарли, все остальное ей все равно. Может быть, это и к лучшему, что он теперь все знает.

Она никогда не любила Вальтера, и с тех пор, как любила Чарли Таунсэнд, ласки мужа надоедали и сердили ее.

Ей хотелось совсем отделаться от него. Она не представляла себе, какие доказательства он может привести против нее. Если он будет ее обвинять, она будет отрицать свою вину, если же продолжать отрицать будет невозможно, она кинет ему в лицо всю правду, и пусть он делает, что хочет.

6

Спустя три месяца после свадьбы она уже знала, какую ошибку сделала, выйдя за него замуж. В этом виновата была ее мать, больше чем она сама.

Миссис Гарстинг была злая, жестокая, властолюбивая, жадная и глупая женщина.

Муж ее был присяжный поверенный, она надеялась, что он сделает хорошую карьеру и, добившись места правительственного судьи, дойдет до высших ступеней по службе. Надежда ее не оправдалась. Он оказался усердным, но далеко не блестящим в своей специальности.

Потеряв всякую надежду возвысить свое социальное положение через него, она сосредоточила все свои надежды на дочерях.

Они должны сделать блестящие партии и тем вознаградить ее за все пережитые разочарования и неудачи в жизни.

Их было две: Китти и Дорис.

Дорис не обещала быть хорошенькой, у нее был слишком длинный нос и неуклюжая фигура, в лучшем случае можно было надеяться, что она выйдет замуж за хорошо обеспеченного молодого человека с приличной профессией.

Но Китти была красавица. У нее были большие, блестящие, выразительные темные глаза, каштановые с оттенком бронзы вьющиеся волосы, чудные зубы и дивный цвет лица.

Черты лица были не так хороши, подбородок слишком выдавался вперед, нос, хоть и не такой длинный, как у Дорис, был немного велик. Красота ее в большой степени зависела от ее молодости, и миссис Гарстинг понимала, что Китти должна выйти замуж очень молодой, во всей прелести ранней юности. Когда она начала выезжать в свет, она была ослепительно хороша; цвет лица был ее главной красотой, но глаза ее, с длинными ресницами были такие нежные, такие лучистые, что захватывали сердце, когда в них поглядишь. Она была очаровательно весела и старалась нравиться. Миссис Гарстинг излила на нее всю привязанность, на которую она была способна. Это была грубая, расчетливая, эгоистичная любовь. Мечты ее насчет Китти были самые честолюбивые. Ее не удовлетворила бы хорошая партия для Китти, Китти должна была выйти замуж блестяще. Китти была воспитана в сознании, что она будет красавицей, и отлично знала честолюбивые мечты матери. Они вполне соответствовали ее собственным стремлениям.

Китти появилась в обществе, и миссис Гарстинг начала проявлять чудеса ловкости, чтобы добиться приглашений на балы, где Китти могла встретить подходящих молодых людей. Китти имела большой успех. Она была не только красива, но и интересна. Она приобрела сразу дюжину поклонников, влюбленных в нее, но между ними не оказалось ни одного годного, и Китти, продолжая быть очаровательной со всеми, не скомпрометировала себя ни с одним. Гостиная в Саус

Кенгсинтоне наполнялась каждое воскресенье влюбленными юношами, но миссис Гарстинг говорила, что с ее стороны больших усилий не надо, чтобы оберегать Китти от них. Китти всегда готова была кокетничать с ними, и ее забавляло возбуждать соревнование между ними, но когда они все, без исключения, делали ей предложение, она решительно и тактично отказывала каждому из них.

Первый сезон прошел, и идеальный жених не появился, второй также; но она была молода и могла себе позволить роскошь не торопиться.

Тогда она его знала очень мало, теперь, после почти двух-летнего замужества, ей не удалось вполне понять его. Сначала она была тронута его добротой и польщена, хотя очень удивлена той страстной любовью к ней, которую в нем встретила. Он относился к ней с чрезвычайным уважением, заботился об ее удобствах; он торопился удовлетворить малейшее ее желание. Он постоянно делал ей маленькие подарки. Когда ей случалось заболеть, никто не способен был нежнее и внимательнее ухаживать за ней. Если она просила его сделать что-нибудь для него неприятное, тягостное, казалось, что она этим оказывает ему милость. Вежлив он был всегда безукоризненно. Вставал, когда она входила в комнату, помогал ей выходить из экипажа; при случайных встречах на улице всегда приподнимал шляпу, заботливо торопился отворить ей дверь, когда она уходила из комнаты, никогда не входил к ней в спальню или в будуар, не постучав предварительно в дверь. Он обращался с ней не так, как, судя по наблюдениям Китти, обращается большинство мужей с женами, а как с почетной гостьей. Это было приятно, но немного забавно. Она бы проще себя с ним чувствовала, если бы он не был таким церемонным. Даже их супружеские сношения не сблизили их. Он был страстен, свиреп, странно истеричен и сентиментален.

Ее смущала его чрезвычайная впечатлительность. Его сдержанность надо было приписать застенчивости или годами выработанной выдержке; которому из этих двух качеств — она не знала. Он казался ей немного жалким и смешным, когда, удовлетворив свою страсть и держа ее в своих объятиях, он говорил ей глупые словца притворно-детским говором. Это он-то, застенчивый в разговоре, осторожный, обычно боявшийся сказать какой-нибудь пустяк и показаться смешным! Однажды он горько обиделся, когда она при этом рассмеялась и сказала ему, что он болтает страшную чушь. Она почувствовала, что руки, которые ее обнимали, вдруг разжались, он замолчал на мгновение и, выпустив ее из своих объятий, вышел вон из комнаты. Она не хотела его обижать и дня через два сказала ему:

— Милый дурачок, говори мне какие хочешь глупости, если это тебе нравится.

Он сконфуженно засмеялся. Она скоро узнала, что он, к несчастью, совершенно не способен хоть на минуту перестать критически относиться к самому себе. Самомнение его было очень велико. В обществе, на вечерах, когда все принимались петь, Вальтер никогда не мог решиться к ним присоединиться.

Он сидел, улыбаясь, чтобы показать, что ему весело и приятно, но улыбка эта была принужденная, с оттенком сарказма, и чувствовалось, что он считает дураками всех этих веселящихся людей. Во время плавания, когда они ехали в Ки-

тай, он решительно отказался костюмироваться; все остальные это сделали. Все ее удовольствие было тогда испорчено, так как она ясно видела, что он считает всю затею глупой и скучной.

У Китти был веселый характер. Она охотно болтала целый день и любила смеяться. Его молчаливость тяготила ее. У него была манера – и эта манера злила ее – совсем не отвечать, если она делала какое-нибудь пустое замечание. Положим, тут и не требовалось ответа, но было бы приятнее, если бы он что-нибудь сказал. Например, если в дождливый день она скажет: «Сегодня не дождь, а настоящий ливень», он мог бы ответить. «Да, льет ужасно!» Но он молчал. Иногда ей хотелось взять его за плечи и потрясти хорошенько.

– Я сказала, что это не дождь, а ливень, – повторяла она.

– Я слышал, – отвечал он с ласковой улыбкой.

Эти слова доказывали, что он не хотел обидеть ее. Он ничего не сказал просто потому, что ему нечего было сказать.

«Если бы все люди говорили только тогда, когда могут сказать что-нибудь дельное, – с улыбкой рассуждала Китти, – род человеческий очень скоро потерял бы дар речи».

8

Суть в том, что он, конечно, не обладал свойством очаровывать.

Вот почему он не был общим любимцем. Пробыв недолго в Чинг-Иене, она поняла, что он популярностью там не пользуется. О его работе она имела очень смутное понятие. С нее было достаточно убеждения, что государственный бактериолог не важная птица. По-видимому он не имел желания обсуждать с нею эту сторону своей жизни. В начале супружества она хотела ему показать, что все, касающееся его, ее интересует и стала спрашивать о его работе. Он шуткой отделался от нее.

– Работа моя скучная и чисто техническая, – в другом случае сказал он. – При том отвратительно оплачивается.

О себе он говорил очень мало. Только прямыми вопросами она извлекла из него все, что знала о его прошлом, о его рождении, воспитании, о жизни до того, как он ее встретил. Странно в нем было то, что ничто его так не раздражало, как вопросы. Когда однажды, по свойственному ей любопытству, она закидала его вопросами, с каждым из них его ответы делались все более и более краткими и отрывистыми. Ей было ясно, что он не отвечает ей не потому, что скрывает что-нибудь от нее, но исключительно по своей природной скрытности. Он был так застенчив и скромнен, что ему было

всегда неприятно говорить о себе. Он не умел быть откровенным.

Он очень любил читать, но читал, по мнению Китти, только скучные книги. Если он не был занят каким-нибудь учебным трактатом, то читал о Китае, или какое-нибудь историческое сочинение. Он никогда не был праздным. Он любил игры: играл в теннис и в бридж.

Она удивлялась, почему он в нее влюбился. Она не могла себе представить никого менее подходящего, чем она сама, к такому сдержанному, холодному, полному самообладания человеку, как ее муж. Однако было ясно, что любит он ее до безумия. Он готов сделать все на свете, чтобы ей угодить. Он был воском в ее руках. Думая о той стороне, с которой она одна его знала, она его слегка презирала. Она считала возможным, что его саркастическая манера – относиться с презрительной терпимостью к столь многим людям и вещам, которые ей нравились, – была только маской, скрывавшей его собственные недочеты. Вероятно, он умен, все его таким считают; но кроме тех случаев, когда он попадал в общество двух-трех людей, нравившихся ему, и был в хорошем настроении, он никогда не бывал интересным собеседником. Собственно нельзя было сказать, что она его не переносила, – просто она была к нему совершенно равнодушна.

Китти узнала Чарльза Таунсэнда только после того, как прожила несколько недель в Чинг-Иене; жену его она встретила несколько раз в разных домах. С ним она познакомилась у него же в доме, куда она с мужем была приглашена на обед.

Она приготовилась дать ему отпор, если понадобится, так как Чарльз Таунсэнд был помощником колониального секретаря, и она опасалась, что он будет относиться к ней с той любезной снисходительностью, которая чувствовалась в обращении с нею миссис Таунсэнд, несмотря на ее безукоризненные манеры. Комната, где их приняли, была очень большая. Убрана она была, как и все гостиные, виденные ею в Чинг-Иене, просто и комфортабельно. Приглашенных было много. Они приехали последние, и китайские слуги в ливреях обносили гостей, предлагая коктейли и оливки. Миссис Таунсэнд приняла их со своей обычной холодной вежливостью и, взглянув на список, указала Вальтеру, кого он поведет к столу.

К ним подошел высокий, очень красивый мужчина.

– Это мой муж, – сказала она.

– Я буду иметь удовольствие быть вашим соседом за столом, – заметил он.

Она сразу почувствовала себя хорошо, и всякое чувство

неприязни к нему исчезло. Она заметила промелькнувшее в его глазах удивленное выражение, хотя глаза улыбались. Причину его удивления она прекрасно поняла, и ей стало весело.

– Я не смогу ничего есть за обедом, – сказал он. – А зная свою жену, я уверен, что обед будет чертовски вкусный.

– Почему?

– Мне должны были сказать; кто-нибудь должен был меня предупредить.

– О чем?

– Никто мне не сказал ни слова. Как я мог предполагать, что увижу такую поразительную красавицу?

– Что я могу вам на это сказать?

– Ничего, предоставьте говорить мне, и я повторю это еще и еще раз.

Китти равнодушно размышляла о том, что именно говорила миссис Таунсэнд своему мужу о ней. Он, наверное, спрашивал. Таунсэнд, разглядывая Китти своими смеющимися глазами, вдруг вспомнил свой разговор с женой.

– Какая она? – расспрашивал он жену, когда та сказала ему, что видела жену доктора Фэйна.

– Ничего, довольно хорошенькая. Тип актрисы.

– Она выступала на сцене?

– Нет, не думаю. Отец у нее доктор или адвокат, что-то в этом роде. Я думаю, нам придется пригласить их к обеду.

– С этим незачем торопиться.

Когда они сидели рядом за обедом, он рассказал Китти, что знает ее мужа давно, познакомился с ним тотчас, как приехал в колонию.

– Мы играем с ним в бридж. Это лучший, без сравнения, игрок во всем клубе.

Возвращаясь домой, она передала об этом мужу.

– Эта похвала немногого стоит.

– Как он сам играет?

– Недурно. Когда у него хорошие карты, он разыгрывает очень хорошо, а когда плохие, он теряется и плохо играет.

– Он играет так же хорошо, как ты?

– Я не льщу себя иллюзиями насчет своей игры. Я считаю, что я очень хороший второклассный игрок. Таунсэнд воображает, что он первоклассный, но этого нет.

– Он тебе не нравится?

– Не могу сказать, чтобы он мне нравился, или не нравился. Говорят, он хорошо работает на службе и известен, как хороший спортсмен. Он не представляет интереса для меня.

Сдержанность, с которой говорил Вальтер, как всегда обозлила ее. Она не понимала, зачем надо быть таким осторожным.

Человек вам или нравится, или нет.

Чарльз Таунсэнд ей лично очень понравился. Она ожидала совсем другого. Он, вероятно, пользовался популярностью во всей колонии. Предполагалось, что секретарь колонии скоро уйдет в отставку и все надеялись, что Таунсэнд по-

лучит это место. Он играл в теннис, в поло и в гольф, держал беговых пони; всякому был готов оказать услугу. Он не признавал канцелярского формализма, не важничал. Все это ей давно о нем говорили; и Китти теперь не могла понять, почему ей было так неприятно слышать эти речи. Она предполагала, что человек, которого так хвалят, окажется напыщенным и самодовольным субъектом. С ее стороны было очень глупо так думать; ничего похожего на самодовольство в Таунсэндене было. Она провела очень приятный вечер. Они разговаривали о лондонских театрах и разных других увеселительных местах в Лондоне, о всем том, что она хорошо знает. Они как-будто встретились в каком-нибудь хорошем лондонском салоне в Ленокс-Гардене; потом, после обеда, когда мужчины перешли в гостиную, он опять подсел к ней. Хотя он и не говорил ничего особенно забавного, она смеялась. Вероятно, это происходило от его манеры рассказывать: в его голосе, низком и приятном, были ласкающие звуки, выражение его добрых, блестящих голубых глаз было очаровательно. Говоря с ним, вы сразу чувствовали себя хорошо, уютно. Конечно, это очень привлекательный человек.

Он был высокого роста, по крайней мере шесть футов и два дюйма, как ей казалось, и сложен великолепно; очевидно, он был хорошо тренирован, и на нем не было ни одной унции лишнего жира. Он был очень хорошо одет, самый элегантный мужчина из числа присутствующих, и хорошо носил фрак. Она любила изящных мужчин. Китти перевела

взгляд на Вальтера. Ему следовало постараться быть немного элегантнее. Она разглядела запонки и жилетные пуговицы Таунсэнда; похожие видела она в магазине Картье в Лондоне. Конечно, помимо службы, Таунсэнды имели собственные средства. Его лицо сильно загорело, но действие солнечных лучей не повлияло на здоровую, свежую окраску его щек.

Ей нравились его холеные, вьющиеся усы, которые не прикрывали сочных, красных губ. Короткие черные волосы гладко лежали на его голове, но самое красивое в его лице были его глаза под широкими, густыми бровями, глаза совсем голубые; в них светилось столько игривой нежности, мягкости и доброты; всякий, кто их видел, понимал, что человек с такими голубыми глазами не способен обидеть кого бы то ни было.

Она не могла не видеть, что произвела на него впечатление. Если он даже не наговорил ей так много любезных, прелестных слов, глаза его, полные восторга, выдали бы его. Развязность, с которой он держался, была очаровательна. В ней не было заметно ни малейшего самомнения. Китти привыкла к разговорам такого рода и могла вполне оценить, как ловко, между смехом и шутками, составляющими суть их беседы, он изредка вставлял приятные, лестные для нее слова.

При отъезде, когда они прощались, он пожал ей руку так выразительно, что не понять его она не могла.

– Я надеюсь, что мы скоро увидимся, – небрежно сказал он, но глаза его придали этим словам яркое для нее значение.

– Чинг-Иен ведь очень мал, не правда ли? – сказала она.

Кто мог подумать, что через три месяца они будут в таких отношениях? Он ей потом говорил, что в первый же вечер влюбился в нее до безумия. Красивее ее он никогда никого не видал. Он вспоминал платье, которое на ней было надето (это было ее подвенечное платье), говорил, что она была похожа на прелестный ландыш. Китти знала, что он в нее влюблен, раньше чем он это ей сказал; немного испуганная она старалась держать его на расстоянии. Он был горяч, необуздан и справиться с ним ей было не легко. Она боялась, чтобы он ее не поцеловал; когда она представляла себе, как он ее обнимет, сердце у нее билось сильнее.

До сих пор она никогда не была влюблена.

Это было удивительное ощущение.

С тех пор, как она узнала, что такое любовь, она поняла, какую любовью любит ее Вальтер; в этом отношении она даже почувствовала к нему симпатию. Она начала его поддразнивать, и ее забавляла тихая улыбка, с которой он терпел ее шутки. Он был обрадован и удивлен. Скоро он сделается похожим на обыкновенного смертного, – думала она. Теперь, когда она узнала, что такое страсть, ее развлекало играть ею, подобно тому, как музыкант, играющий на арфе, любит перебирать струны своего инструмента. Она смеялась, когда он конфузился и лицо его принимало удивленное, растерянное

выражение. Когда Чарли сделался ее любовником, отношения между нею и Вальтером стали ей казаться до невероятия нелепыми. Без смеха она почти не могла на него смотреть. Он был такой важный, серьезный, сдержанный. Она была слишком счастлива, чтобы относиться недоброжелательно к нему. Если бы не он, она никогда не познакомилась бы с Чарли.

Она колебалась некоторое время, прежде чем решиться на последний окончательный шаг, не потому, чтобы она не хотела уступить его страсти, – любила она его так же сильно, как и он ее, – но ее стесняли принципы, привитые воспитанием, все строгие условности ее прежней жизни. Финал произошел неожиданно для них обоих; ни один из них его не предвидел в тот момент, и она была изумлена, что после этого она не стала чувствовать себя иною, чем до того. Она осталась той же Китти, что и прежде. Она предполагала, что в ней произойдет какая-то фантастическая перемена, – не отдавала себе отчета какая, – и что она будет чувствовать себя другим человеком. Взглянув случайно в зеркало, она была поражена, ибо увидела в нем лицо той же женщины, что смотрела в него и вчера.

– Ты очень на меня сердисься? – спросил он ее.

– Я тебя обожаю, – прошептала она.

– Не кажется ли тебе, что было безрассудно с твоей стороны потерять столько времени?

Очевидно, еще нельзя было быть уверенным, что Вальтеру все известно. Если он не знает, то лучше оставить его в неведении; а если знает, то, в конце концов, это для всех лучше. Вначале она довольствовалась, хоть ей это и не совсем нравилось, тем, что украдкой виделась с Чарли; но с течением времени страсть ее усилилась, и ее раздражали препятствия, которые мешали им всегда быть вместе, никогда не расставаться.

Сколько раз говорил он ей, что проклинает положение, принуждающее его к скрытности, проклинает узы, связывающие его, связывающие ее. Было бы чудно хорошо, если бы они оба были свободны! Никто, конечно, от этого не страдал бы. Она знала отношения между ним и его женой. То была холодная женщина, любви между ними уже многие годы не было. Их удерживала вместе только сила привычки, условности жизни и дети – конечно, дети. Чарли было легче освободиться, чем ей, потому что Вальтер любил ее. Но ведь он погружен в свою ученую работу; для мужчин всегда есть клуб; конечно, сразу это его сильно взволнует, но он успокоится. Почему бы ему вновь не жениться? Чарли говорил ей, что не понимает, как она могла принести себя в жертву и выйти замуж за Вальтера Фэйн.

С улыбкой недоумения она вспоминала, как испугалась

при мысли, что Вальтер их поймал. Пугаться было нечего.

Конечно, было очень страшно видеть, как ручка двери тихо двигалась. Теперь они сознавали, что именно может Вальтер сделать в худшем случае и были на все готовы. Чарли почувствует облегчение, так же как и она, когда обстоятельства принудят их сделать то, чего они, в сущности, больше всего желают.

Вальтер ведь настоящий джентльмен, в этом она должна отдать ему справедливость; он ее любит, он поступит корректно и даст ей развод.

Вдруг ее опять захлестнула волна страха и ужаса, в ней загорелась ненависть к мужу. Если ему захочется сделать сцену – пусть делает и не удивляется, если в ответ услышит то, чего не ожидает. Она ему скажет, что никогда ни на грош не любила его и что не было ни одного дня, когда бы она не жалела, что вышла за него замуж.

Китти своими мыслями довела себя до ярости. Пусть он посмеет упрекать ее! Все, что произошло, – произошло по его собственной вине. Она счастлива, что он, наконец, знает правду. Она его ненавидит, хотела бы никогда его больше не видеть. Да, она рада, что все притворство кончилось. Пусть он оставит ее в покое. Он к ней приставал, надоедал и тем заставил выйти за него, теперь довольно! Она им объелась до тошноты.

– Объелась, – громко повторяла она, дрожа от злобы. – Объелась! Объелась!

Она услышала звук автомобиля, подъезжавшего к калитке сада. Вальтер поднимался по лестнице наверх.

Он вошел в комнату. Сердце у нее усиленно билось, руки дрожали. К счастью, она лежала на диване с открытой книгой в руках, как-будто читала. На пороге он остановился, и глаза их встретились. Сердце у нее упало; холод пробежал по спине, и она вздрогнула.

Его лицо было смертельно бледно, таким она его видела уже один раз, когда они сидели в парке, и он просил ее стать его женой. Его темные глаза, неподвижные, непроницаемые, казались невероятно большими.

Он все знал.

– Ты рано вернулся, – заметила она.

Его губы так дрожали, что он едва мог говорить. Она перепугалась. Ей казалось, что он упадет в обморок.

– Нет, кажется, в обычное время.

Она не узнавала его голоса. Он старался говорить громко и непринужденно, но голос был неестественный. Ей хотелось знать, видит ли он, как она вся дрожит. Только сильным напряжением воли она удерживала готовый вырваться крик.

Он опустил глаза.

– Пойду одеваться.

Он вышел из комнаты. Она была так потрясена, что в течение нескольких минут не была в состоянии встать; наконец, с трудом поднялась на ноги. Как после тяжелой болезни

ноги еле держали ее.

Опираясь на стулья и столы, она выбралась на веранду и, держась одной рукой за стенку, прошла в свою комнату.

Когда она, переодевшись, вернулась в будуар, – они только при гостях пользовались гостиной, – он стоял у стола и рассматривал картинки в «Скэтче». Ей надо было сделать усилие, чтобы войти в комнату.

– Не спустимся ли мы в столовую? Обед готов.

– Я тебя задержала?

Ужасно было то, что губы у нее продолжали дрожать.

Когда он, наконец, заговорит?

Они на минуту молча присели. Он, наконец, что-то произнес, что-то самое обыденное, зловеще прозвучавшее в ее ушах.

– Пароход «Экспресс» не пришел сегодня. Не задержала ли его буря? – сказал он.

– Он должен был прийти сегодня?

– Да.

Она взглянула на него и видела, что его глаза устремлены на тарелку. Он опять заговорил о каких-то пустяках, о предстоявшем теннисном состязании, и говорил долго. Голос у него вообще был приятный, с разнообразными модуляциями в тонах; теперь он звучал однообразно, в нем не было никаких оттенков.

Голос звучал неестественно, точно он говорил откуда-то очень издалека. И все время глаза его смотрели то на тарел-

ку, то на стол, то на какую-нибудь картинку, висевшую на стене; ни разу его глаза не встретились с ее глазами. Она поняла, что ему невыносимо смотреть на нее.

– Пойдем наверх? – спросил он, когда обед кончился.

– Если хочешь.

Она встала, и он отворил дверь, чтобы пропустить ее. Когда она проходила мимо него, он опустил глаза. По приходе в будуар, он опять взялся за иллюстрированный журнал.

– Это новый «Скэтч»? Я, кажется, его не видел.

– Не знаю, не обратила внимания.

Этот журнал лежал на столе уже более двух недель, и она знала, что он его много раз рассматривал. Он сел и принялся опять за журнал. Она снова легла на диван и взяла книгу. Обыкновенно по вечерам, когда они были одни, они играли в карты или раскладывали пасьянс. Он сидел в удобной позе, в кресле и, казалось, погрузился в рассматривание картинок. Страниц он не перелистывал. Она попробовала читать, но разобрать ничего не могла.

Буквы прыгали перед глазами. Голова у нее сильно болела.

«Когда, наконец, он заговорит?»

Целый час они просидели в полном молчании. Она перестала притворяться, что читает, уронила книгу на колени и устремила взгляд в пространство. Она боялась произвести малейший звук, малейший жест. Он неподвижно сидел в той же спокойной позе, и его широко открытые неподвиж-

ные глаза были устремлены на картинку.

Его неподвижность была до странности устрашающая. Он казался Китти похожим на дикого зверя, который собирается прыгнуть на добычу.

Когда он вдруг встал, Китти вздрогнула.

Она крепко сжала руки и побледнела.

Наконец, теперь!

– Мне надо сегодня поработать, – сказал он тем же спокойным, лишенным оттенков, голосом и не глядя на нее. – Если ты ничего против не имеешь, я уйду в кабинет. Ты, конечно, будешь уже спать, к тому времени, когда я кончу.

– Я тоже устала сегодня.

– Отлично. Доброй ночи!

– Доброй ночи!

Он вышел из комнаты.

13

На другой день, возможно рано, она позвонила по телефону к Таунсэнду в канцелярию.

– Что такое?

– Мне надо тебя видеть.

– Мне некогда, дорогая, я занятой человек.

– Это очень важное дело, можно мне прийти в канцелярию?

– Ну нет, на вашем месте я бы не делал этого.

– Так приходи ко мне сам.

– Я не могу теперь уйти. Может быть, попозже увидимся.

Я думаю, что мне лучше не показываться у вас, как вы думаете?

– Мне надо видеть тебя как можно скорее.

Наступила пауза, ей показалось, что их разъединили.

– Я размышлял, как лучше поступить. Что-нибудь новое случилось?

– Я не могу объяснить тебе этого по телефону.

Опять наступило молчание; наконец, он заговорил:

– Послушайте, я могу вырваться на десять минут около часу дня. Годится? Идите к Ку-Чу, и при первой возможности я туда приду.

– В лавку антиквария? – с изумлением спросила она.

– Не можем же мы встречаться в вестибюле гостиницы

Чинг-Иен.

Ей слышалось, что в его голосе звучит оттенок раздражения.

– Хорошо, я приду к Ку-Чу.

Она вышла из рикши на Виктория Род и поднялась по узкой крутой улице к лавке Ку-Чу. Снаружи она ненадолго задержалась, делая вид, что разглядывает разное старье, ту г разложенное. Мальчик, карауливший у дверей покупателей, сразу узнал ее и улыбнулся приветливой, многозначительной улыбкой. Он сказал несколько слов по-китайски кому-то внутри дома, и сам хозяин, маленький, толстощекий человек в черном халате, вышел ей навстречу. Она вошла быстрым шагом.

– Мистер Таунсэнд еще не пришел. Идите наверх.

Она вошла в комнату позади лавки и поднялась по темной скрипучей лестнице наверх. Китаец шел сзади и отомкнул дверь в спальню. Там было душно, и воздух был пропитан острым запахом опиума. Она села на большой сундук из сандалового дерева. Через минуту на скрипучей лестнице раздались тяжелые шаги.

Таунсэнд вошел и затворил за собой дверь. Лицо его было угрюмо, но как только он ее увидел, обычная очаровательная улыбка появилась на его губах. Он ее обнял и поцеловал в губы.

– Скажи, что случилось?

– Мне сделалось легче с тех пор, как я тебя увидела, – с улыбкой сказала она.

Он сел на кровать и закурил папиросу.

– Какой плохой вид у тебя сегодня!

– Не удивительно, я не сомкнула глаз всю ночь, – ответила она.

Он внимательно на нее посмотрел. Он все еще улыбался, но слегка натянутой, притворной улыбкой. Тень беспокойства, как ей показалось, мелькнула в его глазах.

– Он знает, – сказала она.

Наступила секунда паузы, и он спросил:

– Что он сказал?

– Ничего.

– Как так? – Он бросил на нее испытующий взгляд. – Почему же ты знаешь, что он знает все?

– Все это доказывает. Выражение его глаз и то, каким тоном он разговаривал за обедом.

– Он был неприятен, нелюбезен?

– Нет, наоборот, он был безукоризненно вежлив. Но в первый раз с тех пор, как мы женаты, он меня не поцеловал на прощанье.

Она опустила глаза. Она не была уверена, что Чарли ее хорошо понимает. Обыкновенно Вальтер, обняв ее, прижимал в долгом поцелуе ее губы к своим губам и долго не выпускал ее из своих объятий.

– Как ты думаешь, почему он ничего не сказал?

– Я не знаю.

Пауза. Китти тихо сидела и с беспокойством смотрела на

Таунсэнда. Его лицо опять нахмурилось, и глубокая складка залегла между его бровями. Углы рта опустились. Но вдруг он оживился, и в глазах мелькнула злобная усмешка.

– Мне интересно, скажет ли он когда-нибудь что-нибудь об этом?

Она не вполне уловила смысл его слов и потому молчала.

– Не он первый, который в таких случаях нарочно закрывает глаза. Какой ему расчет затеять ссору? Если бы он хотел сделать скандал, он бы тогда же требовал, чтобы ты впустила его в комнату. – Глаза его засверкали, и широкая улыбка появилась на губах. – В каком дурацком положении мы бы тогда очутились!

– Мне бы хотелось, чтобы ты мог видеть его лицо вчера за обедом.

– Конечно, он был взволнован. Он пережил большое потрясение... Это чертовски унижительное положение для всякого мужа. Он всегда выглядит дураком. Не думаю, чтобы Вальтер был способен вынести свои грязные семейные дела на общее обсуждение.

– Я тоже не думаю, чтобы он это сделал, – вдумчиво сказала она. – Он очень обидчивый и самолюбивый человек, я это отлично знаю.

– Тем лучше, поскольку это нас касается. Знаешь, надо поставить себя на место другого человека и представить себе, как бы ты поступил в данном случае. В таком положении спастись от срама можно только делая вид, что ничего

не знаешь. Держу пари на что угодно, что он именно так и поступит.

Чем больше Таунсэнд говорил, тем веселее он делался. Голубые глаза сверкали, он сделался прежним веселым, шутливым Чарли. Он был так убежден в неоспоримости своих доводов, что эта уверенность передалась и Китти. Она немного успокоилась.

– Бог свидетель, что я не хочу его осуждать, но, в сущности, что за персона – бактериолог? Какая, подумаешь, важная птица в глазах общества! Все шансы за то, что когда Симонс выйдет в отставку, я буду назначен колониальным секретарем, и Вальтеру прямой расчет жить в ладу со мной. Ему, как и всем нам, надо думать о куске хлеба. Министерство Колоний не очень-то захочет награждать человека, который устраивает скандалы. Поверь, ему прямой расчет молчать.

Китти не совсем была уверена, что это будет так. Она знала Вальтера как в высшей степени застенчивого и скромного человека и потому верила, что страх перед скандалом может удержать его, но она не верила, чтобы материальные выгоды могли повлиять на его поступки; может быть, она не достаточно хорошо изучила его характер, но Чарли знал его еще меньше, чем она.

– Имел ли ты в виду, что он безумно в меня влюблен?

Он не отвечал, но плутовская улыбка светилась в его глазах. Она знала и любила эту улыбку.

– Ну, что такое? Я чувствую, что ты собираешься сказать что-то ужасное.

– Вот что я скажу: женщины часто воображают, что мужчины гораздо сильнее их любят, чем это есть на самом деле.

Впервые за сегодняшний день она рассмеялась: уверенность, с которой он говорил, была заразительна.

– В последнее время ты мало обращала внимания на мужа. Может быть, теперь он уж не так сильно в тебя влюблен, как прежде.

– Во всяком случае я никогда не буду воображать, что ты меня любишь до безумия, – возразила она.

– Вот в этом ты ошибаешься.

Как радостно было ей слышать эти слова! Она знала, что это правда, и уверенность в силу его страсти к ней согревала ей сердце. Произнеся эти слова, он встал, – подошел ближе, и сел около нее на сундук. Он обнял рукой ее талию.

– Не мучь больше свою глупую головку этими страхами, – сказал он, – уверяю тебя, что бояться нечего. Я уверен больше, чем когда-либо, он сделает вид, что ничего не знает. Такие вещи доказать очень трудно. Ты говоришь, что он тебя любит; может быть, ему всего страшнее совсем потерять тебя. Клянусь, что если бы я был твоим мужем, я бы согласился на что угодно, только не на разлуку с тобой.

Она прижалась к нему. Его прикосновение вызывало во всем ее теле нежную истому. Любовь, которую она к нему чувствовала, была почти пыткой. Последние его слова дали

ей почву для размышлений: может быть, Вальтер любит ее так страстно, что готов перенести всякие унижения, чтобы хоть иногда пользоваться, ее ласками. Она это понимала, подобное же чувство она питала к Чарли. Ей было лестно так думать, но вместе с тем легкое чувство презрения к человеку, который мог так рабски любить, вкралось в ее душу.

Она нежно обвила шею Чарли руками.

– Ты удивительный человек. Я дрожала, как лист, когда шла сюда, а теперь ты меня совсем успокоил.

Он приблизил к себе ее лицо и поцеловал ее в губы.

– Дорогая, любимая!

– Ты для меня такое утешение, – со вздохом сказала она.

– Перестань нервничать. Знай, что я всегда постою за тебя и не дам тебя в обиду.

Ока откинула всякий страх, но на одно мгновение безрассудно пожалела, что ее мечты о совместной жизни с Чарли разбились. Теперь, когда всякая опасность миновала, она почти желала, чтобы Вальтер настаивал на разводе.

– Я всегда знала, что могу на тебя рассчитывать.

– Само собой разумеется.

– Не пора ли тебе идти завтракать!

– К черту мой завтрак!

Он притянул ее к себе, крепко сжал в своих объятиях, и его губы искали ее губ.

– Чарли, отпусти меня!

– Никогда.

Чувствуя свою власть над ним, она рассмеялась смехом торжествующей любви.

Не выпуская ее рук из своих, он заставил ее встать на ноги и, крепко прижав к своей груди, замкнул дверь.

В течение всего дня она думала о том, что говорил Чарли насчет Вальтера. В этот день они были приглашены на обед и, когда он вернулся из клуба, она одевалась. Он постучал к ней в дверь.

– Войдите.

Он не отворил дверей.

– Я иду одеваться. Скоро ты будешь готова?

– Через десять минут.

Он ничего больше не сказал и прошел к себе в комнату. Его голос звучал также неестественно, как и вчера. Она теперь вполне владела собой. Она оделась раньше, чем он, и, когда он спустился вниз, она уже сидела в автомобиле, поджидая его.

– Боюсь, что заставил тебя ждать, – сказал он.

– Эту неприятность я смогу перенести, – возразила она и сумела заставить себя улыбнуться.

По дороге она раза два заговаривала с ним, но он отвечал коротко и отрывисто. Она пожала плечами; все это начинало ее раздражать. Если он хочет дуться – пусть дуется, ей все равно. В полном молчании они доехали до места назначения. Это был большой, званый обед. Было слишком много народу и слишком много блюд за обедом. Китти, весело болтая с рядом сидящими, наблюдала за своим мужем. Его грустное

лицо было слишком бледно.

– Ваш муж очень плохо выглядит. Я думал, что он хорошо переносит жару. Может быть, он переутомлен работой?

– Он всегда много работает.

– Вероятно, вы скоро уезжаете?

– Да, конечно. Я поеду, как в прошлом году, в Японию. Доктор говорит, что я должна уехать от жары, а то будет плохо.

Вальтер совсем на нее не смотрел и ни разу ей издали не улыбнулся, как делал это прежде, когда они обедали в обществе. Она заметила, что, садясь в автомобиль, он избегал ее взгляда; так же поступил он, когда они подъехали, и он с присущей ему вежливостью помог ей сойти. За столом, разговаривая с дамами, сидящими по обе стороны от него, он не улыбался, но смотрел на них упорным, неподвижным взглядом. Глаза его казались огромными и очень темными на его бледном лице. Выражение лица было неподвижное, суровое.

«Какой приятный собеседник!» с иронией подумала Китти.

Ей показалось очень забавным, что несчастные дамы стараются поддержать светский разговор с этой мрачной маской. Конечно, – он знал, в этом сомневаться было невозможно, и был взбешен. Но почему он ничего не сказал? Неужели потому, что, хотя он и сердится на нее, оскорблен ею, но так сильно ее любит, что боится, чтобы она его не бросила. Он все-таки был ее мужем, давал ей стол, квартиру и все необ-

ходимое. Пусть он не вмешивается в ее дела и предоставит ей делать, что она хочет; она будет с ним всегда мила и любезна. С другой стороны, его молчанье можно было приписать болезненной застенчивости. Чарли прав, скандала он перенести не сможет. Он избегал, насколько было возможно, случаев произносить речи публично. Он сам ей рассказал однажды, что, будучи вызван в суд в качестве свидетеля по делу, в котором он был назначен экспертом, он почти целую неделю перед этим не мог спать по ночам.

Возможно и так, что, по свойственному всем мужчинам тщеславию, Вальтер предпочитает не признавать случившегося, пока оно не сделалось известным. Или же, паче чаяния, Чарли был прав, когда предполагал, что тут действуют материальные соображения. Чарли пользуется огромной популярностью и вскоре будет колониальным секретарем. Он мог бы быть очень полезен Вальтеру, и, с другой стороны, мог бы сильно повредить ему, если бы Вальтер с ним поссорился.

Мужчины странные создания: никогда бы она не поверила, что Вальтер способен на такую низость, но как знать? Может быть, вся его важность есть только маска, под которой он скрывает подлую, мелочную натуру. Чем больше она об этом думала, тем вероятнее ей казалось, что Чарли прав. И она еще раз посмотрела на мужа, и в ее взгляде не было снисхождения.

Как-раз в этот момент дамы, сидевшие около него, разговаривали с другими своими соседями по столу, и он был

предоставлен самому себе. Очевидно, забыв всех и все, он неподвижным взглядом смотрел вперед в пространство, и глаза его были полны бесконечной грустью. Этот взгляд глубоко поразил Китти.

На другой день, когда она дремала после завтрака, ее разбудил стук в дверь ее спальни.

– Кто там? – с раздражением крикнула она.

В этот час ее никто никогда не беспокоил.

– Это я.

Она узнала голос мужа и живо вскочила.

– Кажется, я тебя разбудил? – спросил он, входя.

– Конечно, да. – Ответ был произнесен тем же равнодушно холодным тоном, каким она говорила с ним последние два дня.

– Перейдем в соседнюю комнату, мне надо с тобой поговорить.

Сердце судорожно застучало в ее груди.

– Сейчас, я только накину капот.

Он вышел. Не надевая чулок, она сунула ноги в утренние туфли и накинула кимоно. Посмотрев на себя в зеркало, она слегка нарумянилась, чтобы скрыть свою бледность.

Прежде чем отворить дверь, она остановилась на секунду, чтобы собраться с духом, и затем бодро, с дерзко вызывающим видом вошла в комнату.

– Как это случилось, что ты мог уйти из лаборатории в такой час. Ты ведь так редко бываешь дома среди дня?

– Прошу вас, садитесь, нам надо поговорить.

Он на нес не смотрел; говорил строгим, серьезным голосом. Она была рада исполнить его просьбу, колени ее дрожали, продолжать отвечать ему в шутливо равнодушном тоне она больше не могла. Он также сел и закурил папиросу. Взгляд его беспокойно перебегал с предмета на предмет; казалось, ему трудно решиться заговорить.

Вдруг он взглянул ей прямо в лицо. За последние дни она совершенно отвыкла видеть его глаза. Теперь его взор, устремленный на нее, безумно испугал ее, и она с трудом удержала готовый вырваться крик ужаса.

– Имеете ли вы понятие, что такое Мей-Тан-Фу? В последнее время о нем много пишут в газетах.

Она с удивлением взглянула на него и колебалась, не зная, что ответить.

– Не там ли холерная эпидемия? Мистер Арбут Нот что-то говорил об этом вчера.

– Да, там эпидемия, и такая сильная, какой не было до сих пор никогда. Там был доктор-миссионер, но он умер от холеры три дня тому назад. Там есть французская община сестер милосердия, таможенные служащие. Остальные европейцы все уехали.

Он продолжал смотреть ей прямо в лицо, и она не решалась опустить глаза. Она старалась разгадать выражение его лица, но беспокойство мешало ей. Как он может так упорно смотреть? Даже не моргнет.

– Сестры делают все, что возможно, и превратили детский

приют в больницу. Люди мрут, как мухи. Я предложил выехать туда в качестве доктора.

– Вы?

Она вздрогнула. Первая ее мысль была, что, если он уедет, ей будет удобно видаться с Чарли. Никто мешать не будет. Но вслед затем ей стало стыдно, и она густо покраснела. Зачем он так пытливо на нее смотрит? Она отвернулась смущенная.

– Неужели вам необходимо ехать? – запинаясь, спросила она.

– Там теперь нет иностранного доктора.

– Ведь вы не доктор, а бактериолог.

– Я доктор медицины, и до того, как я посвятил себя бактериологии, я много работал в госпитале. И тем лучше, что я бактериолог, я там найду много материала для исследований.

Он говорил вызывающим, почти дерзким тоном. Взглянув на него, она с изумлением заметила в его глазах искру насмешки.

Она перестала понимать.

– Не будет ли это страшно опасно?

– Конечно, да.

Он улыбнулся насмешливой улыбкой.

Она подперла лоб рукою и задумалась.

Видно, он решил покончить с собою. То, что он хочет сделать, нельзя назвать иначе, как самоубийством. Ужасно! Она никогда не думала, что он способен на это. Этого нельзя до-

пустить. Это слишком жестоко. Не ее вина, что она его не любит. Мысль, что она будет виновницей его смерти, была ей нестерпима. Она тихонько заплакала.

– О чем вы плачете?

Он говорил холодным голосом.

– Ведь вы же не обязаны ехать?

– Нет, я еду добровольно.

– Вальтер, прошу вас, не ездите туда. Ужасно думать – вдруг что-нибудь случится, вдруг вы умрете?

Его лицо оставалось бесстрастным, но тень улыбки мелькнула в глазах. Он не отвечал.

– Где находится этот город? – спросила она после паузы.

– Мей-Тан-Фу? Он на одном из притоков Уэстерн Ривер.

Мы должны подняться вверх по Уэстерн Ривер, а дальше на носилках.

– Кто это – мы?

– Вы и я.

Ей показалось, что она ослышалась, и она вопросительно взглянула на него. Теперь он улыбался уже не одними глазами, и темные глаза в упор смотрели на нее.

– Вы надеетесь, что я с вами туда поеду?

– Я думал, что вы этого пожелаете.

Она быстро дышала, дрожь пробежала по ее телу.

– Ведь там не место женщинам. Миссионер уже несколько недель тому назад выслал оттуда жену и детей. Чиновник с женой давно здесь, я их встречала в обществе. Припоминаю

теперь, как он говорил, что они откуда-то выехали из-за холеры.

– Там живут пять медицинских сестер.

Ею овладела паника.

– Ехать мне туда было бы безумием. Вы знаете, что я слаба здоровьем. Д-р Хейворд велит мне уехать из Чин-Иена, даже жара мне вредна. Ведь там тоже очень жарко, мне этого не перенести. Еще холера! Я там сойду с ума от страха. Зачем добровольно искать неприятностей? Мне нет причины туда ехать. Я там умру.

Он продолжал молчать. В отчаянии она взглянула на него и едва не закричала. Его лицо покрылось какой-то темной бледностью, которая безумно испугала ее. В глазах светилась ненависть. Можно ли допустить мысль, что он желает ее смерти? Взволнованным голосом она продолжала говорить:

– Это нелепо. Если вы считаете себя обязанным ехать – это ваше дело. Вы не имеете права требовать, чтобы я ехала. Я ненавижу зрелище страданий и болезней. Холерная эпидемия! Я на храбрость не претендую, и на такое дело у меня ее не хватит. Я останусь здесь, пока не наступит время ехать в Японию.

– Я надеялся, что вы не захотите отпустить меня одного на такое опасное дело.

Теперь он уже откровенно издевался над ней. Она пришла в полное недоумение. Она не была уверена, что он говорит то, что действительно думает; может быть, он просто хочет

запугать ее.

– Я не думаю, чтобы разумный человек решился осудить меня за то, что я отказываюсь ехать в опасное место, где мне делать нечего и где я буду совершенно бесполезна.

– Вы бы могли быть очень полезны мне, поддерживая и утешая меня.

Она еще больше побледнела.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Я не думаю, что нужно обладать выдающимися умственными способностями, чтобы понять меня.

– Вальтер! Я не поеду. Чудовищно просить меня об этом.

– В таком случае и я не еду. Я немедленно возьму назад свое прошение.

Она с изумлением посмотрела на него. То, что он сказал, было так неожиданно, что она растерялась и совсем перестала понимать смысл его слов.

– Не понимаю, что вы такое говорите? – запинаясь, произнесла она.

Сама она почувствовала, какой фальшью звучат ее слова, на его же суровом лице они вызвали усмешку презрения.

– Боюсь, что вы меня сочли большим дураком, чем я на самом деле.

Она не знала, как ей поступить: отрицать ли возмущенно свою вину, или обрушиться на него с горькими упреками? Он точно читал ее мысли.

– Я имею все нужные доказательства.

Она разразилась слезами. Слезы лились легко, не мучительно, она их даже не утирала, они давали ей время собраться с мыслями, но выдумать ничего она не могла. Он спокойно наблюдал за ней, и его хладнокровие ее пугало. Наконец, терпение его истоцилось.

– Ваши слезы ничему не помогут.

Его голос, такой холодный и суровый, вызвал в ней чувство негодования, и к ней вернулось самообладание.

– Мне все равно. Я надеюсь, что вы согласитесь дать мне развод. Мужчину это не компрометирует.

– Смею спросить: зачем мне подвергать себя малейшей неприятности ради вас?

– Для вас это совершенно безразлично. Я только прошу вас сделать для меня то, в чем джентльмен отказать не может.

– Мне слишком дорого ваше благополучие.

Она выпрямилась и вытерла глаза.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила она.

– Таунсэнд женится на пае только тогда, если ему придется фигурировать на суде в качестве ответчика вместе с вами, и дело будет настолько скандально, что его жена волей-неволей должна будет развестись с ним.

– Вы не отдаете себе отчета, какой вздор вы говорите! – вскричала она.

– Ах вы, дура, дура!

Тон его был настолько пренебрежительный, что она вспыхнула от негодования. Прежде она слышала от него только милые, ласковые, любезные слова, и тем труднее было ей теперь переносить от него оскорбления. Она привыкла к тому, что он всегда был готов исполнить всякую ее прихоть, всякий каприз.

– Хотите знать правду? Он всей душой жаждет возможности жениться на мне. Доротти Таунсэнд согласна дать ему развод, и мы повенчаемся, как только получим свободу.

– Говорил ли он это вам буквально в таких выражениях, или это вывод из ваших собственных впечатлений о нем?

Глаза Вальтера сверкали грубой насмешкой, и Китти почувствовала легкое беспокойство. Она не была уверена, что Чарли ей это когда-либо говорил в таких выражениях.

– Он мне говорил это много, много раз.

– Это ложь, и вы знаете, что это ложь.

– Он меня любит всем сердцем, всей душой. Он любит меня так же страстно, как я его люблю. Вы нас поймали. Я ничего не отрицаю. Вот уже год, как я его любовница, и горжусь этим. Весь смысл жизни для меня сосредоточен на нем, и я рада, что вы, наконец, все знаете. Нам до тошноты надоело прятаться, притворяться и обманывать.

Большой ошибкой с моей стороны было выйти за вас, я не должна была этого делать, я поступила, как настоящая дура. Я вас никогда не любила. Мы с вами ни в чем не сходимся. Вы не любите тех, кого я люблю; то, что вас интересует, мне кажется скучным. Слава богу, это кончено.

Он слушал ее спокойно, ни один мускул его лица не дрогнул. Он выслушал ее со вниманием, и по выражению лица не было видно, чтобы ее речь произвела на него впечатление.

– Знаете ли вы, почему я согласилась стать вашей женой?

– Потому что вы хотели выйти замуж раньше вашей сестры...

Это была правда, и ей показалось забавным, что он это знает. Странно то, что, несмотря на страх и на злобу, которую она к нему чувствовала, ей стало его жалко.

Он слегка улыбнулся.

– Насчет вас я никогда иллюзий не имел. Я знал, что вы пустая, легкомысленная и глупая женщина, но я вас любил. Я знал, что ваши вкусы, ваши идеалы пошлы и низки, но я любил вас. И то, что другие мужа считают своим правом требовать, я принимал как милость от вас.

Таких слов Китти никогда не слыхала; всю жизнь ее хвалили, восхищались ею, всячески льстили ей. Ею овладел бешеный гнев, всякий страх был забыт, кровь застучала в висках, и злоба душила ее.

Оскорбленное тщеславие может сделать женщину столь же мстительной, как львицу, у которой отняли детенышей. Ее чудные глаза потемнели от злобы, но она не потеряла самообладания.

– Если мужчина не умеет привлечь женщину и заставить ее себя полюбить, то это его, а не ее вина.

– Очевидно.

Его насмешливый тон усилил ее раздражение. Она почувствовала, что, сохранив хладнокровие, она сможет сильнее уязвить его.

– Я, конечно, не очень образованная и развитая женщина. Я самый обыкновенный, средний человек. Я люблю то, что любят те люди, между которыми я прожила всю жизнь. Я любила танцевать, играть в теннис; люблю театры и люблю мужчин, которые хорошо играют во все игры.

Мне всегда было с вами скучно, и мне надоело то, что вас занимает. Вы меня таскали по бесконечным, картинным га-

лереям в Венеции, когда я предпочла бы играть в гольф в Сандвиче.

– Я это знаю.

– Мне очень жаль, что я не оправдала ваших надежд. К сожалению, я всегда чувствовала к вам физическое отвращение. Едва ли вы имеете право поставить мне это в упрек.

– Я вас и не упрекаю.

Китти было бы много легче, если бы он пришел в бешенство и начал бы неистовствовать и кричать. Она бы тогда отвечала ему тем же, но его сверхчеловеческое самообладание бесило ее, и в эту минуту она возненавидела его, как никогда прежде.

– Мне кажется, что вы даже не человек. Отчего вы не вломилась в комнату, когда вы знали, что мы с Чарли там. Вы могли бы хоть попытаться исколотить его. Вы, верно, боялись?

Как только она произнесла эти слова, ей стало стыдно, и она покраснела. Он не отвечал, но его глаза выражали ледяное презрение, и едва заметная усмешка скользила по его губам.

– Может быть, как известное историческое лицо, я слишком горд, чтобы драться.

Китти не нашла никакого ответа и только пожала плечами.

– Кажется, я сказал все, что имел сказать. Если вы откажетесь ехать в Мей-Тан-Фу, я возьму свое прошение обратно.

– Отчего вы не хотите дать мне развод?

Он перестал, наконец, смотреть на нее, откинулся к спинке кресла и зажег папиросу.

Он докурил ее, не произнеся ни слова, и, бросив окуроч, обратился к ней с легкой улыбкой.

Снова он посмотрел на нее.

– Если миссис Таунсэнд обещает мне, что она даст мужу развод и, если я получу от него письменное обещание, что не позже недели, после утверждения обоих постановлений суда, он на вас женится, я согласен исполнить вашу просьбу.

В его голосе слышался какой-то оттенок, который смутил Китти, но из самолюбия она должна была с достоинством принять его предложение.

– Это очень великодушно с вашей стороны, Вальтер.

К ее удивлению он вдруг разразился громким смехом. Она сердито вспыхнула.

– Над чем вы смеетесь? Тут ничего нет смешного.

– Извините. Вероятно, чувство юмора у меня иное, чем у вас.

– Поторопитесь, если вы хотите застать Таунсэнда в канцелярии. Если вы решите ехать со мной в Мей-Тан-Фу, то необходимо выехать послезавтра.

– Вы хотите, чтобы я ему сегодня же сказала?

– Зачем терять время?

Ее сердце забилося сильнее. Беспокойства она не чувствовала, но что-то неуловимое ее тревожило. Ей бы хотелось по-

лучить возможность отложить этот разговор, немного приготовить Чарли.

Она была вполне уверена в нем; ведь он любит ее так же сильно, как и она его. Преступно было бы даже допустить мысль, что он не примет с восторгом выход, навязанный ему обстоятельствами. С серьезным лицом она обратилась к Вальтеру.

– Я думаю, вы не знаете, что такое любовь. Вы не можете себе представить, как мы с Чарли безумно влюблены друг в друга. Для нас только это и важно. Всякая жертва, которую потребует наша любовь, будет для нас легка.

Он слегка поклонился, но ничего не сказал и проводил ее глазами, пока она мерными шагами выходила из комнаты.

Она написала Чарли записочку следующего содержания: «Пожалуйста, прими меня. Дело неотложное». Китаец-слуга вернулся и сказал ей, что мистер Таунсэнд просит ее подождать. Она сильно волновалась. Когда она вошла в кабинет, Чарли сделал несколько шагов ей навстречу и вежливо поздоровался с ней, но как только слуга вышел и затворил за собой дверь, он отбросил церемонно-вежливое обращение и сказал ей:

– Знаешь, милая, не приходи ко мне, пожалуйста, в служебное время. Я страшно занят, и к тому же нам не следует давать повод к сплетням.

Она вскинула на него свои чудные глаза и постаралась улыбнуться, но губы не складывались в улыбку.

– Я бы не пришла без крайней необходимости.

Он улыбнулся и взял ее под руку.

– Хорошо, раз ты здесь, сядь и поговорим.

Кабинет, большая, довольно узкая, полупустая комната, с высоким потолком и крашеными стенами, был очень неуютен. Мебели не было почти никакой: только большой письменный стол, вертящийся стул для Таунсэнда и кожаное кресло для посетителей. Китти было как-то страшно в него сесть.

Он уселся на стол. В очках она его, до сих пор, никогда не

видала, она не знала, что он носит очки. Заметив ее взгляд, он их снял.

– Они мне нужны только, когда я читаю, – сказал он.

Плакать она теперь стала часто и легко; она не могла бы объяснить, почему она и теперь заплакала. Сознательно она не собиралась играть перед ним комедию, но ей инстинктивно хотелось возбудить в нем чувство симпатии к себе. Он с недоумением смотрел на нее.

– Что-нибудь неприятное случилось? Перестань плакать, дорогая.

Она вытащила носовой платок и старалась заглушить рыдания. Он позвонил и, когда слуга пришел, подойдя к двери, сказал ему:

– Если меня будут спрашивать, скажи, что меня нет.

– Хорошо, сэр.

Слуга затворил дверь. Чарли присел на ручку кресла и обнял ее плечи.

– Ну, расскажи мне все, дорогая.

– Вальтер хочет разводиться.

Китти почувствовала, что он выпрямился, и рука, лежавшая на ее плече, ослабла. Наступило минутное молчание. Таунсэнд встал и пересел на свой стул.

– Что ты собственно хочешь этим сказать?

Она с тревогой взглянула на него; его голос стал хриплым, и он густо покраснел.

– Я имела с ним разговор. Я прямо из дому пришла к тебе.

Он говорит, что у него в руках все доказательства.

– Ты, конечно, себя не выдала? Ни в чем не призналась?

Сердце у нее упало.

– Нет, ответила она.

– Ты можешь утверждать это? – спросил он и испытующе взглянул на нее.

Он откинулся назад и пристально, рассеянным взором стал разглядывать карту Китая, висевшую перед ним на стене. Она с беспокойством следила за ним. Ее слегка ошеломило, что он принял ее сообщение совсем иначе, чем она того ожидала. Она думала, что он ее обнимет и скажет, что он счастлив. Теперь их ничто не разлучит. Странные мужчины!

Она тихо заплакала, теперь уже не для того, чтобы его разжалобить; она не могла удержать слез.

– В недурную кашу мы попали, – наконец, сказал он. – Не надо терять голову. Слезы ничему не помогут.

В его голосе звучал оттенок раздражения, и она быстро осушила глаза.

– Это не моя вина, Чарли. Что я могла сделать?

– Конечно, ничего. Нам просто чертовски не повезло. Я столько же виноват, как и ты. Теперь нам остается придумать, как выпутаться из этого положения. Я думаю, что ты так же мало желаешь развода, как и я.

Она едва удержала вздох отчаяния и испытующе посмотрела на него. По видимому, он совсем не думал о ней.

– Не могу придумать, какие собственно доказательства у

него есть. Мне кажется, он даже не может доказать, что мы оба были тогда в комнате. В сущности, мы были очень осторожны. Хозяин антикварной лавки нас никогда бы не выдал. Даже если бы твой муж видел нас там, что же из того? Пошли вместе взглянуть, не найдется ли какой-нибудь интересной вещицы у китайца.

Он точно говорил сам с собой, не обращаясь к ней.

– Легко взводить обвинения, но чертовски трудно их доказать. Всякий юрист тебе это скажет. Наша система защиты – все отрицать, а если он будет грозить возбуждением дела, то послать его к черту и приготовиться к борьбе.

– Я не могу выступить перед судом, Чарли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.